



Даниил Панков

34
Мгновения

18+

Даниил Панков

34 Мгновения

«Автор»

2026

Панков Д. В.

34 Мгновения / Д. В. Панков — «Автор», 2026

«34 Мгновения» — философско-лирическая мозаика, сотканная из осколков человеческих судеб, чувств и откровений. Главный герой проходит сложный путь отразочарованного циника, прячущегося за ледяной броней от прошлых предательств, до человека, познающего подлинную суть любви, дружбы и смерти. В череде эпизодов разворачивается история болезненной привязанности, где страх уязвимости заставляет отталкивать самых дорогих людей. Автор мастерски переплетает суровый реализм с космическим мистицизмом. Повествование открывается ироничным мифом о сотворении мира, где Создательница наделяет женщину частицей Божественной Любви. Пережив потери, аварии и собственную гибель в попытке спасти другого человека, герой оказывается за гранью вечности. Там, в звездной колыбели, Творец дает ему шанс на перерождение. Финал неожиданно замыкает круг: душа героя возвращается на Землю в теле новорожденной девочки, матерью которой становится его преданная подруга.

© Панков Д. В., 2026

© Автор, 2026

Даниил Панков

34 Мгновения

Мгновение I

Я лежал на снегу. Как хорошо иногда просто лежать и глядеть в небо. В ночное небо... Луна двумя третями своего диска дарила холодный свет. Из-за легкого морозца воздух был хрустально прозрачен; она казалась такой близкой — протяни руку, и можно её потрогать. А если сделать широкий взмах, то звёзды, как никогда яркие, перемешаются и закружатся в загадочном, вечном хороводе. Протяни только руку...

Но рука была тяжёлой, будто налитой свинцом, громоздкой и какой-то бесконечно длинной. Я не мог не то, что дотянуться до звёзд — я даже приподнять её был не в силах, не мог оторвать от земли. Земля сегодня как-то особенно сильно притягивала, намертво удерживая и не давая оторваться от себя ни одному атому моего уставшего т

Я лежал на снегу и смотрел в бездонное, звёздное небо. Я мечтал о нём. Всегда грезил о том, что, может быть, когда-нибудь наступит предначертанное время и я смогу оказаться там. Смогу снова увидеть всю эту безбрежную мощь и пугающую красоту космоса, смогу опять промчаться сквозь далёкие галактики, посмотреть на рождение сверхновой и посетить самые любимые звёздные скопления. Увидеть всё великолепие далёких туманностей и заглянуть в чёрные дыры.

Наша Земля — лишь крошечная песчинка на глухой окраине рукава галактики, куда залетают разве что случайные патрули или космическая «золотая молодёжь» на своих прытких скутерах, устраивающая покатушки вдалеке от оживлённых торговых и транспортных маршрутов.

Я окончательно понял эту хрупкость и уединённость мироздания ещё тогда, когда мне было лет пятнадцать. В те годы я всерьёз занимался спортом, в частности дзюдо. Тренировки наши заканчивались, как правило, часов в восемь вечера. Выходил я из дома обычно чуть пораньше, дожидаясь на улице двоих близких друзей, и дальше мы продолжали путь вместе. И вот однажды, выйдя за угол дома на привычный пятачок, где мы всегда пересекались, стою и ожидаю парней. Невольно подняв глаза вверх, вдруг вижу: прямо на востоке, высоко в небесах зажглась странная звезда. А поскольку я неплохо знал астрономию, внутри сразу кольнуло чёткое понимание, что в это время суток и в данном конкретном секторе небосвода никакой звезды быть попросту не может.

Стою, разинув рот от изумления. А этот загадочный небесный объект тем временем становится всё ярче, ослепительнее, и это явно не летящее тело, потому что оно абсолютно статично. То есть никуда, ни на единую йоту не двигается. И вдруг «звезда» начинает как бы закрываться лёгким туманом, окутывается дымкой, бледнеет, бледнеет... И в этот момент от неё вниз, к самой земле, опускается мощнейший луч пронзительного света. Трудно даже представить, какой колоссальной силы должен был быть этот прожектор, если его отчётливо было видно с такого невероятного, космического расстояния! Секунд через тридцать или сорок луч бесшумно гаснет, а из самого центра, где только что полыхала звезда, во все стороны по небосводу начинает стремительно расходиться ореол. Идеальный, огромный круг, похожий на ударную волну. Словно кто-то невидимый сверху на мгновение приоткрыл завесу нашего полигона, заглянул вниз, а затем плотно задёрнул шторы обратно в темноту.

Мир вокруг оказался гораздо шире, глубже и таинственнее, чем нас учили думать. И в этом огромном пространстве всё было чётко расписано с самого начала.

...В начале было Слово...

Это было! Было на самом деле! Только совсем в другом порядке. И немудрено: за долгие века и сменяющие друг друга тысячелетия человеческая правда искажалась, обросла условно-

стями и превратилась в удобную для обывателей неправду. Но существо более мудрое, снисходительно улыбнувшись, позволило людям выдавать их вымысел за истину и, смирившись, согласилось с новой, земной трактовкой!

Так вот о чём я хочу вам поведать, други мои! Нет, вовсе не о порядке, в каком преломлялось Божественное Слово в головах летописцев! А о том, как, кто и в каком качестве изначально пришёл на эту Землю! «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Я именно про это.

Творец, создавая этот мир, решил выполнить работу с колоссальным запасом качества. Первым Он сотворил Мужчину — модель сильную, гордую, но чисто экспериментальную. И этот первенец, предоставленный самому себе, постоянно влезал в дикие, немыслимые истории. То в собственную яму, выкопанную под размер среднего мамонта, с размаху свалится; то едва увернётся от тяжёлого бревна размером с грузовик, которое сам же подвесил для заваливания какого-нибудь свирепого гризли; то дёрнет за хвост сытого тигра, просто чтобы посмотреть, что будет. Он хоть и сытый был, а покалечить дурака мог за милую душу!

Стоило Создательнице на одно мгновение отвлечься — о, да, я не оговорился, а кто может быть на сто процентов уверен, что Создатель не Создательница? — например, на проектирование других, более масштабных миров, планетарных систем... в общем, стоило Ей отвлечься на всю эту вселенскую красоту, как Мужчина на Земле уже выпускал дух в топком болоте, по уши нахлебавшись гнилой жижи.

Ой! Про мальчика-то своего Она совсем забыла! Где он тут? — О Господи! То есть — Я! — Она каким-то непостижимым образом всегда успевала в самый последний миг, вынимала его за шиворот из очередной трясины, отмывала, приводила в чувство и строго отчитывала: — Ну и куда ты опять полез, оболтус? Да отпусти ты этого гиппопотама, тебе его всё равно в одиночку не съест, а холодильник ты придумаешь ещё очень нескоро! И не дёргай ты за хвост этого тигра, кому говорю!

О-ох... Что же Ей делать с ним, непутевым? Ведь любит его, дурака. Свой всё-таки, родной! Не бросишь ведь на погибель, а без пригляда — точно сгинет. А Она ведь не может постоянно сидеть рядом, стоит только увлечься новой галактикой — и парень пропал. Надо было думать. И вот тут происходит самый важный момент в существовании человечества. Учтя все прошлые промахи... Хотя Она разве когда-нибудь ошибалась? Нет, никогда!

После недолгих, относительно говоря, раздумий, было оперативно сотворено ещё одно живое существо. Для того чтобы мужчина ненароком чего не натворил в джунглях, ему было хитро сказано, будто спутница создана из его собственного ребра — пусть наивный думает, что он здесь хозяин положения и полноправный собственник. А вот про это второе творение стоит рассказать поподробнее. Всё дело в том, что именно оно, далее ОНА — женщина, и было создано по образу и подобию Господа! Творец вложил в её душу концентрированную частицу Себя — крупицу чистой, абсолютной Божественной Любви, нежности, безграничного терпения, заботы, внимания и всепрощения, которое Сама проявляла к непослушному земному детёнышу.

И наказала строго Она женщине быть верным, надёжным спутником своему мужчине. Ухаживать за ним преданно, излечивать — когда заболевает, кормить заботливо — когда голоден, развлекать и утешать — когда он в тоске и глубокой печали, делить с ним редкие минуты радости. А лице прежнего — делать так, чтобы у него всегда был мощный, непреодолимый стимул вовремя возвращаться домой, под родную крышу, а не пропадать без вести на бескрайних дорогах этого сурового мира. В ней была эта искра Бога, в ней, и ни в ком другом...

Мгновение 2

День давно закончился. За окном шёл мокрый снег — совсем не январская погода, скоро Крещение, а морозами и не пахнет. Скука. Домой возвращаться совершенно не хочется. Вот и сижу как неприкаянный в сети. Люди присылают сообщения, кто-то упорно пытается завести знакомство, навязать пустую дружбу. Какая же унылая серость вокруг... Надо выключать этот ящик и ехать, пробки наверно уже рассосались... Хотя... куда торопиться, зачем ехать? В пустую квартиру?

Он сидел перед мерцающим монитором, лениво перебирая вкладки. Внезапно тишину кабинета нарушил резкий звук всплывшего окна. В углу дисплея замигал значок мессенджера.

ОНА: Ты здесь или нет?

Он замер, глядя на строчку, и медленно положил пальцы на клавиатуру. На её стороне индикатор то загорался, то гас — она явно волновалась, стирая и заново набирая слова.

ОНА: Извини, что меня так долго не было... просто вся что-то... короче, потерялась немного))) Как будешь в сети, пиши.

ОН: вот он я, я примчался, а тут Ты, оказывается, заходила... жаль, не поболтали сразу!.. Здравствуй, моё солнышко!

Снова возникла трепетная пауза. Он почти физически ощущал, как там, на другом конце провода, она в нерешительности кусает губы.

ОНА: Я много думаю насчёт этого... мне безумно трудно решиться. Я ведь простая, обычная девчонка, а Москва — это слишком серьёзно. Да и лицо у меня какое-то совсем детское... комплекую я...

ОН: Зато Ты обалденная, красивая и классная. Знаешь, весь этот напыщенный московский пафос, весь этот дешёвый столичный гламур уже вот где, в почках сидит! Надоели до чёртиков... у всех вокруг только шмотки, бабло да дорогие тачки в головах. Пустые куклы. А у Тебя такая искренняя, чистая, детская непосредственность... это сейчас редкое сокровище.

Он откинулся на спинку кресла. В кабинете было тихо, только кулер компьютера чуть слышно гудел под столом.

ОНА: у меня прямо сейчас на коленях устроилась кошка и мурлыкает так лениво. Господи, как я тоже хочу сейчас превратиться в кошку и просто лениво разлечься на чьих-нибудь тёплых коленях...

Он шумно выдохнул, улыбаясь экрану. Строчки ложились прямо на сердце.

ОН: Блиин... ну не заводи Ты меня. Мне вредно, я ведь уже старенький! Я с Тобой с пол-оборота заводжусь...

ОНА: ну ладно тебе себя старым называть, а то возьму, поверю и вообще не приеду ((

ОН: как только говоришь про колени и про «разлечься» ... очень так живенько всё это себе представляю.... Не, ну правда — я стар... я суперстар!!!!!!!!!!

ОНА: тогда я точно сильно молода для тебя. Сколько тебе?

ОН: ...знаешь, бытует мнение, что мужчине столько лет, сколько его любимой подруге... так что рядом с Тобой я всегда буду оставаться молодым и свежим!

Экран снова замер, удерживая это хрупкое, виртуальное тепло. И именно в этот момент глухую тишину комнаты бесцеремонно разорвала громкая, бодрая трель мобильного телефона — звонок, установленный на Тёзку. Он нехотя оторвал взгляд от переписки и нажал кнопку ответа.

— Дарова!.. чё делаешь? — голос лучшего друга звучал, как обычно, протяжно и по-детски. Тёзка всегда смешино коверкал слова, и он с удовольствием подхватывал эту игру.

— Даров!.. да сидю... фигнёй откровенной занимаюсь, в инете лазию, машинку новую присматриваю! Думаю, старую-то менять пора!

— А как насчёт немного отдохнуть и развеяться? Мы тут вина хорошего взяли и думаем — может, Ты присоединишься к нашей банде?

— Да ну, ломает чё-таа.... не знаю.... лень мне... да и чё я вам мешать-то буду... Ты там со своей девчонкой будешь резвиться, а я чё???... мне-то что там делать?... тупо напиться и спать.... или опять кого-то снимать по дороге в клубах.... ааа... не хочу..... неохота.

Трубка в ответ коротко хмыкнула и выдала победный, заговорицкий смехок:

— Хе... а мы о Тебе, дружище, заранее позаботились!... хе.... а знаешь, кто прямо сейчас тут с нами в машине едет!???...

—???? Блин.... тёзка, ну не томи!???? Говори давай!

— А с нами ОНА..... та самая, про кого Ты всё время тут распилился, ах какая девушка!.. ах какая классная!... Ну чего, едешь?

Он резко, рывком вскочил с насиженного кресла. Всю сонливость, апатию и серую январскую хандру мгновенно сняло как рукой. Сердце бешено колотилось, пропустив мощный удар.

— Ты сейчас серьёзно???... не ври мне... ЕДУ!!!!

Мгновение 3

Машина летела по мокрому снегу, почти не касаясь дороги. Окрылённый надеждой и не помня себя от внезапно нахлынувшего чувства, я мчался к условленному месту — повороту перед маркетом, за постом ГАИ. Сердце бешено колотилось. Впервые за долгое январское безвременье в груди проснулось нечто, похожее на забытую жажду жизни.

Я ударил по тормозам, машина замерла у обочины. Я выскочил наружу. И тогда я увидел ЕЁ.

Время словно замедлило свой бег. Она стояла рядом с машиной друга, кутаясь от пронзительного сырого ветра. Она никогда не носила официального звания красавицы, но в ту же секунду я понял: это ОНА. Тот самый ураган, который должен был ворваться в мою жизнь.

Именно в этот миг, глядя на неё сквозь падающие хлопья мокрого снега, я принял парадоксальное решение. Почувствовав, как сильно она меня зацепила, я мгновенно выстроил стену. Защитный механизм сработал безотказно. Я решил брать эту крепость осадой абсолютного безразличия.

Это был единственный раз в жизни, когда я приехал на встречу вовремя. Но началось всё совершенно не так, как пишут в сентиментальных романах. Мы познакомились, поругавшись.

Я медленно подошел к компании, нарочито лениво поздоровался с другом и лишь вскользь, с ледяным пренебрежением, мазнул по ней взглядом.

— А со мной поздороваться не учили? — возмутилась она.

— А мы разве знакомы? — я усмехнулся. — Тёзка, ты почему не предупредил, что мы берём с собой... детский сад?

— Знаешь что! — она вспыхнула. — Если твоё самомнение не помещается на этой парковке, мог бы остаться дома! Я не просила меня с тобой знакомить!

— Правда? А я-то думал, ты тут замерзла в ожидании чуда. Извини, чудес не бывает.

— Ну и задница.

— Взаимно, милая.

В тот вечер я почти не обращал на неё внимания, искусно играя роль ледяной глыбы и демонстративно игнорируя. Но каждый раз, отворачиваясь, я ловил её отражение, чувствуя, как внутри натягивается струна. Она злилась, она бросала на меня возмущённые взгляды, но где-то на уровне интуиции... она всё понимала. Она знала, что я делаю это специально.

Она долго ждала, когда же я наконец осмелюсь её поцеловать. Выстраивала в голове наивные планы, как будет неприступна и ни за что не даст мне этого сделать, но всё вышло совершенно иначе. Когда я решился, этот первый поцелуй оказался настолько сладок, что ей казалось — нет ничего прекраснее в мире, и хотелось, чтобы реальность замерла навсегда.

Но я, верный своему репертуару ледяного циника, внезапно прервал его. Сказав, что иначе вообще не смогу от неё оторваться, я просто прыгнул в автомобиль и умчался в ночь, даже не пообещав, позвоню ли завтра.

Она не видела, что, завернув за первый же перекрёсток, я со всей силы ударил по тормозам и остановился. Я сидел в тёмном салоне, слушая, как бешено, оглушительно колотится сердце, и счастливо улыбался. На губах всё ещё отчётливо оставалось ощущение этого первого, неумовимо нежного прикосновения. Это не был страстный, жадный поцелуй двух опытных любовников — нет, просто короткий «чмок» в губы. Почти детский, хрупкий, но несущий в себе пронзительный свет надежды на большое, по-настоящему чистое чувство.

Мгновение 4

Наши отношения с самого первого дня складывались странным, парадоксальным образом. Мы словно нарочно не стремились друг к другу, выстраивали барьеры, кололи словами, но дышать и жить друг без друга уже физически не могли. После того памятного мокрого вечера на парковке я больше ни разу — ни единого разу! — не приехал на свидание вовремя. Январский снегопад остался единственным исключением.

Потом я всегда, методично и намеренно опаздывал на полчаса, на час, словно до иступления испытывая её терпение, проверяя, где находится предел её выдержки. Это стало нашей молчаливой, жестокой и одновременно сладкой игрой: мы непрерывно тестировали друг друга на прочность, прощупывали скрытые трещины в броне, ругались до хрипоты, а в следующую секунду делились самым сокровенным, выворачивая души наизнанку.

Наш внутренний мир то и дело штормило, но за этим фасадом вечного противостояния вырывалось нечто настолько глубокое, что пугало меня самого. Я никогда не был влюблён в эту шикарную, высокую, жгучую брюнетку. Но я всегда любил её. Может, как дочь. Потому что мы хоть и целовались врасплох, страстно, горячо, как любовники, которые никак не могут дождаться близости, но, между нами, никогда ничего не было.

Ночь была долгой и пьяной. Наутро, проснувшись далеко за полдень от того, что телефон на тумбочке не переставая вибрировал от сообщений, я с трудом разлепил глаза. Голова гудела. Попытка вышибить клин клином сработала ровно до того момента, пока не наступило похмелье. Я потянулся к аппарату. Глядя на имя на экране, с трудом вспомнил про новую знакомую. И, видимо для того, чтобы отвлечься, набрал её номер. Завязался странный, тягучий диалог.

— Аллё!

— Привет, — её голос звучал глухо.

— Приветик! Ну, какие делишки?

— Голова болит... выпивали вчера.

— Сочувствую... По поводу или без?

— У каждого был свой повод. Мне просто выговориться хотелось.

— С подружками, поди? Всем косточки перемыли?

— Было дело. Но на самом деле разбирали меня по косточкам — конкретно. Подружки... мля.

— И конечно же решили, что все мужики — сволочи?

— А бабы — дуры. Только от этого не легче. Просто на некоторое время стало меньше беспокоить, боль почти ушла. Но тебе этого не понять, если, по-твоему, любви нет.

— Ха... Но некоторые люди умудряются делать больно, а потом, когда всё проходит, что Ты скажешь? Она есть? Это просто химическая реакция.

— Я бы хотела иметь такое же ощущение, — она помолчала, и разговор вдруг свернул на то, от чего мы оба пытались убежать. — Мне больно от того, что я люблю. Но не могу быть вместе. Про меня забыли. Он женат.

— Вечная история... А неженатых-то и нет уже нигде...

— А тебе почему больно? Ты женат и тебе больно?

— Просто я многих люблю, а не одного человека... вот такая фигня. Боль — это когда больно от расставания или непонимания, а хуже всего — от предательства.

— Тебя предали... меня тоже...

— Это происходит постоянно и повсеместно... я уже не удивляюсь.

— Хочешь, я первая расскажу? Когда мы познакомились, он говорил, что с женой не живёт давно... Что всё прошло, что она «такая-сякая нехорошая», но дети — это святое. Мы встречались на его квартире. Я думала, он там живёт, но потом поняла, что эта квартира только для встреч. Я такая дура... я слишком много мечтала. Хотя он не виноват, он никогда мне ничего не обещал.

— Насколько всё похоже... за исключением некоторых деталей...

— Что похоже? Каких деталей?

Я не стал отвечать. Отложил телефон и уставился в потолок.

Мгновение 5.

Падали огромные, пушистые хлопья снега, укрывая притихший город белым бархатом. Это была наша вечерняя прогулка перед сном — редкое мгновение затишья в бесконечной круговерти ссор, недомолвок и взаимных проверок. Мы неспешно брели по заснеженному, абсолютно пустому бульвару, вдыхая чистый морозный воздух. В ту тусклую столичную зиму природа будто специально создавала декорации для нашей личной драмы. Я перевёл взгляд на неё, скользнул по её профилю и заметил, как она зябко потирает пальцы.

— У тебя холодные руки! — я перехватил её ладонь, ломая привычную дистанцию.

— Просто ледяные...

Она лукаво посмотрела на меня снизу вверх, в уголках её глаз заиграли весёлые искорки, и на губах заиграла тёплая, обезоруживающая улыбка:

— Зато сердце горячее!

— Я это знаю... — тихо, без прежней напускной бравады ответил я, чувствуя, как внутри рушатся очередные защитные стены. — Дай согреть!

Я остановился прямо посреди пустынной дорожки, осторожно, бережно поймал обе её маленькие, озябшие ладошки в свои и принялся дышать на них тёплым воздухом, согревая каждый пальчик. Она замерла, перестала дышать и заворожённо смотрела на меня, не отрывая взгляда от моего лица. Она пристально, до мельчайших деталей изучала зелёную радужку моих глаз, едва заметные мелкие веснушки и тонкую чёрточку ирама над бровью. В её глазах сейчас не было и следа прежнего гнева или гордости — только бесконечное, детское удивление.

— Мне тепло... Правда, тепло! — прошептала она, чуть подавшись вперёд, к моему лицу. — Просто вся кровь приливает в другое место, когда ты рядом... вот от рук и отличается...

Она так мило, так доверчиво улыбнулась, что у меня внутри всё перевернулось. Я точно знал, какая мысль бьётся сейчас в её голове: за что ей, такой правильной, искренней и светлой, выпало это безумное, штормовое счастье в лице внезапного урагана, перевернувшего её привычную жизнь? Она не выдержала этого напряжения и озвучила мысль вслух, глядя на меня с тихой, хрупкой надеждой:

— За что мне такое счастье!?

— Ха! Счастье!? — я тут же включил привычного паяца, панически пытаюсь спрятать за грубоватой шуткой подступившую к горлу нежность. — Какое ещё счастье?.. Намаешься ты ещё со мной, помани моё слово! Вот начну скоро домой пьяный приходить, и придётся

тебе меня, дурака, ругать да пилить с утра до вечера! Да и детишки наши будущие будут ором орать, когда на них будет орать ихняя мать!

Она густо покраснела, смешино округлив глаза, но в этой её растерянности было столько чистоты:

— Какие ещё детишки!??

Какой же я был выдумщик... И откуда только бралась вся эта неуёмная энергия? Странно, но даже когда я приезжал абсолютно уставший, измотанный московскими делами и просто с ног валился от усталости, у меня всё равно хватало сил шутить, коверкать слова и прикалываться рядом с ней. Она могла смотреть на меня долго-долго, наверное — вечно. Любоваться ирамом, ловить взгляд моих зелёных глаз.

— Как какие! Трое тех, которых ты родишь, и ещё четверо усыновлённых!

— Вот... болтун!

— Я не болтун! Я — Дункан Макклауд!

— С чего бы это ты вдруг заговорил о будущем? — тихо спросила она, не отнимая согретых ладоней от моих губ.

Я замолчал, глядя на неё сквозь пелену снегопада. Хлопья снега таяли на моих ресницах, мир вокруг сузился до размеров её лица.

— Да потому, что люблю тебя! — вырвалось у меня вопреки всем законам моей ледяной осады. — И мы будем жить с тобой долго и счастливо... и вообще никогда не умрём! Так что быть тебе, милая моя, настоящей Макклаудихой... хи-хи...

Она лишь сильнее прижалась ко мне, затыкая мою шутиливую тираду, и я почувствовал, как бешено бьётся её сердце.

Мгновение 6.

Ночь. Тишина пустой квартиры давила на барабанные перепонки. Я сидел перед компьютером и тупо листал анкеты девчонок, желающих познакомиться, преподнести себя и подороже продать на первом свидании в предвкушении «долго и счастливо» ... Мне всегда чего-то не хватало в жёнищинах, и, глядя на этот парад иллюзий, я невольно начал мысленно проводить безжалостную классификацию своего прошлого. В №1 была красота, шарм модницы, классная фигура, но — бревно-бревном и дура. №2 — спортивная, классная, смешивая, с ней всегда было весело, но она была заиклена на карьере и аюреведе... тоже дура. №3 — умная, тоже заиклена на карьере, но у неё всё расписано на 20 лет вперёд. №4 — стройная, красивая, я был у неё первым мужчиной, танцует в большом престижном танцевальном коллективе. Но навязчивая до безумия, иногда просто дышать не даёт. И так далее.

И вот тут, вспоминая, как заезжал в понедельник к №1, во вторник к №4, и как расставался с №2 и №3... Я закрыл эти бесконечные чужие анкеты, и вдруг мне стало не по себе от пришедшего осознания. Я заметил одну странную вещь: все эти жёнищины были совершенно разные. Лица, судьбы, характеры. Но правда заключалась в том, что тут абсолютно не было любви. Да, мне были интересны все эти жёнищины. Была симпатия, может быть, даже мимолётная влюблённость. Но, глядя на этот мысленный список, я вдруг понял: после той боли, что мне довелось пережить в прошлом, я больше ни разу по-настоящему не открыл свою душу. Боль тогда нахлынула такой волной, что просто не хотелось жить. И я дал себе слово, что никогда больше мне не придётся испытать этого чувства — той пытки, которая страшнее любой зубной боли. И я сдержал клятву. Я ни разу больше не пустил ни одну из них в своё сердце настолько глубоко, чтобы появилась хотя бы малейшая возможность снова испытать боль. Мой ледяной панцирь работал безупречно. Я не искал любовь. Я лишь заполнял пустоту.

Мгновение 7.

Мужских слёз никто не видит.

Не потому, что мужчины не плачут, а потому что слёзы их текут не из глаз — они сочатся из сердца. Хрустальные капли на щеках практически невозможно увидеть у мужчины, перешагнувшего двадцатилетний рубеж. Думаю, именно в этом возрасте слёзные железы, привыкшие к внешнему миру, атрофируются и переселяются глубоко внутрь, в самое сердце. Настоящий мужчина никогда не покажет, как ему больно. Больно от поступков, совершаемых близкими, дорогими людьми, а тем более теми, кого он любит. Он не станет кричать или искать сочувствия. Достаточно просто спрятать эту боль в дальние углы души, не подавая виду, что она терзает сильнее любой зубной боли. Женщина от обиды сразу даст выход эмоциям, выплеснет их в слезах, но мужчина... мужчина скуп пожимает плечами или промолчит, проглатывая горе вместе с густым дымом сигарет.

Никогда не понимал, как можно о своих чувствах писать. Как можно объяснить в сухом письме то, что человек должен услышать, глядя в глаза напротив, чувствуя дыхание и интонацию говорящего? Конечно, на бумаге можно подготовиться основательно: придумать сотню логичных причин, выстроить изящные речевые обороты, сделать правильные выводы за другого, аккуратно подтолкнув его в нужном направлении... Но почему нельзя просто поговорить об этом глядя в лицо? Разве не понятно, что холодное письмо убьёт любую, даже самую слабую надежду? Если и в живом общении оставались недомолвки, то бумага отрубит всё на корню. И после этого ещё сметь говорить о любви! О какой любви? Где же она, эта хваленая любовь, если ты просто трусишь рассказать о ней словами? ГДЕ? А что делать, если письмо не попало адресату? Или, что ещё хуже, попало не вовремя? Что остаётся тогда от чувств, которые ты так старательно пытался облечь в слова, превращая живую боль в мёртвые буквы?

Ничего не надо. Поздно. Всё закончилось, всё прошло. Прощай.

Мгновение 8.

Дорогой ресторан жил своей размеренной, приглушённой жизнью. За огромными панорамными окнами завывал пронзительный холодный ветер, гоняя колючий, косой снег между рядами припаркованных элитных иномарок. ОНА, как всегда, сидела у самого стекла. Шикарная, высокая, жгучая брюнетка — из тех женщин, на которых невольно оборачиваются. Окружающие мужчины лениво скользили по ней плотоядными взглядами, даже не догадываясь, какой запредельный градус напряжения скрывался за этим столиком. Мы могли целоваться с ней так неистово, так исступлённо и страстно, будто никак не могли дождаться постели, но парадокс заключался в том, что, между нами, за эти два года никогда и ничего не было в физическом плане. И это тоже являлось частью нашей изощрённой, мучительной игры.

Я приехал намного позже назначенного времени — вечный, отработанный до автоматизма приём, моя молчаливая проверка её терпения на излом. Неспешно, подчёркнуто вальяжно я опустился на мягкий диван рядом с ней, сев почти вплотную. Для нас обоих всегда был жизненно важен этот постоянный, скрытый от чужих глаз тактильный контакт — способ заземлиться, удержать ускользающую реальность. Я привычно накрыл её тонкую ладонь своей, переплетая пальцы, и поймал её пылающий, возмущённый взгляд. Она не отстранилась, не убрала руку, но в голосе звенело явное, накипевшее раздражение:

— Ну ты и задница! Знаешь ведь! Мы с тобой договорились строго на 19:00, а сейчас на часах уже 20:13! Я тут чаем зелёным по уши опилась, официанты на меня уже косятся, как на сумасшедшую!

Я лениво откинулся на спинку дивана, чувствуя приятную тяжесть её пальцев. Большим пальцем я принялся медленно, размеренно поглаживать её нежную кожу на запястье, прямо там, где испуганной птицей бился пульс. Извиняться я, разумеется, и не думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.